

ЛУЧШИЕ ВОИНЫ В ИСТОРИИ

АЛЕКСАНДР НЕФЁДКИН

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ

**ПЕРВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ**



Якорь

**МОСКВА
2017**

УДК 355/359
ББК 68
Н58

Рецензенты:

доктор исторических наук, доктор филологических наук *А. А. Бурыкин*
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)
кандидат исторических наук *К. А. Днепровский*
(Государственный музей искусства народов Востока, Москва)

Художник Игорь Варавин

Нефёдкин, Александр Константинович.

Н58 Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия / Александр Нефёдкин. — Москва : Яуза: Эксмо, 2017. — 496 с. — (Лучшие воины в истории).

ISBN 978-5-521-86628-1

Сложно найти другой народ, чей образ в массовом сознании настолько бы расходился с реальностью, как образ чукчей — персонажи известных анекдотов просто не смогли бы выжить в жестоких условиях Крайнего Севера. Настоящие чукчи были умелыми и энергичными воинами, грозой арктического побережья, где между ними, коряками, эскимосами и русскими разворачивались самые северные войны в истории человечества. Несмотря на то что кровопролитное противостояние русских колониальных войск с чукчами продолжалось почти 150 лет, этот северный народ так и не удалось покорить силой, а командиры русских отрядов так отзывались о своих непримиримых противниках: «Чукчи — народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана».

Новая книга ведущего специалиста по военной истории древних народов — первое в мировой литературе систематическое исследование военного дела чукчей (вооружение, тактика, стратегия, фортификация, война на море), рассматривающее его на всем протяжении известной по источникам эпохи, начиная со второй половины XVII века, когда чукчи впервые столкнулись с сибирскими казаками, вплоть до начала XX столетия, когда еще происходили вооруженные столкновения на почве кровной мести. Кроме того, эта богато иллюстрированная энциклопедия подробно описывает культовые аспекты войны чукотского народа (обряды, жертвоприношения) и важнейшие аспекты военного дела казаков Восточной Сибири — главных противников чукчей.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-521-86628-1

© Нефёдкин А.К., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Якорь», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В послевоенный период в обыденном народном сознании чукчи безапелляционно ассоциировались с героями анекдотов. Нельзя с полной уверенностью утверждать, откуда возник данный стереотип. Возможно, сказалась, как считает английский исследователь С. Грэхем, некая крайность этноса: географическая, культурная, физиологическая. С другой стороны, нельзя исключить и влияние кинематографа, в котором чукчам уделяется едва ли не ведущее место среди народов Севера. В особенности следует назвать такой знаковый фильм, как «Начальник Чукотки» режиссера В. В. Мельникова (Ленфильм, 1966 г.), который не мог не повлиять на общественное сознание советских людей¹.

Однако в последнее время общественное сознание россиян в отношении чукчей стало постепенно изменяться. В частности, после появления в 2003 г. первого издания книги «Военное дело чукчей» интерес к чукчам возрос. Об этом ясно свидетельствуют не только печатные издания, но и активное обсуждение и отзывы в Интернете — интересующиеся читатели неожиданно открыли для себя, что чукчи являются не только героями анекдотов, но у них есть и славное военное прошлое: почти полтора столетия чукчи и стоящие за ними эскимосы противостояли натиску российских сил, стремившихся их покорить, что выражалось во взимании ясака и взятии аманатов. Даже такой писатель и одиозный политический деятель, как Э. В. Лимонов, посвятил истории русско-чукотских войн отдельное небольшое эссе. Впрочем, из всех этих работ оригинальны лишь статьи анадырского писателя Е. Ф. Рожкова (1943–2009), писавшего по личным впечатлениям и фольклорным материалам².

И на самой Чукотке также усилился интерес к теме, что связано с общим постепенным подъемом чувства национального самосознания у коренных народов округа и увеличением интереса к традиционной культуре, составной частью которой являлось военное дело. Конкрет-

¹ Грэхем 2007: 33–35; о феномене чукотских анекдотов см.: Бурыкин 2002: 67–70 (развитие темы о пошехонцах); ср.: Егоршев 2009; о фильме ср.: Брачун, Сахибгоряев 2009: 27.

² Ботяков 2003; Нестеров 2003; Шурхало 2004 (с массой ошибок); Рожков 2007; 2007а; 2008; Горосов 2011 (с рядом фактических ошибок); Косяченко 2013; Лимонов 2013: 288–291 (с рядом недочетов).

ным примером роста интереса к военной культуре служит появление и деятельность исторического клуба «Истоки» в поселке Провидения. Тут усилиями учащихся СПУ-2 во главе с директором училища Владимиром Ивановичем Чучупалом (1955–2010) было воссоздано в сильной для учащихся форме вооружение и одежда воинов Чукотки. В 2000-х гг. порядка трех десятков реконструкторов выезжали в тундру для проведения показательных боев, представлявших древние сражения¹.

Еще одним показателем неподдельного интереса к военному делу у самих жителей Чукотки являются мои встречи с читателями в Анадыре в конце сентября — начале октября 2013 г. и в марте 2017 г. Читатели не только задавали вопросы, но и сами рассказывали исторические предания, которые еще помнят коренные жители в возрасте 50–60 лет и старше². Фольклорные же знания среднего поколения более ограничены, а молодежь уже мало что знает, если не проявляет особого интереса к теме, который, надо сказать, все же усиливается.

По сравнению с книгой 2003 г. второе издание, вышедшее в 2017 г. под названием «Военная культура чукчей», было значительно расширено за счет привлечения дополнительных фольклорных материалов по теме как чукотских, так и аляскинских, эвенских, таймырских и других. Кроме того, привлечены последние работы по чукотской тематике и заново проработанный значительный блок архивных материалов. Верхней хронологической границей настоящей монографии признана не начало, а середина XX в., т. е. 1940-е — начало 1950-х гг., когда произошла сплошная коллективизация хозяйств оленных чукчей, во время которой произошло и изъятие оружия. В ходе нее традиционный уклад жизни был коренным образом изменен и в значительной степени потерян, тогда как в первой половине XX в. традиционное воспитание и определенные элементы военного дела продолжали существовать³. В настоящее третье издание внесены еще ряд исправлений и небольших дополнений из материалов, которые удалось собрать во второй половине 2016-го — первой половине 2017 г.

В заключение хотелось бы поблагодарить тех, кто помогал и способствовал появлению данного издания: кандидата филологических наук Идею Владимировну Куликову за консультации по чукотскому языку; докторов филологических наук Алексея Алексеевича Буркина

¹ Чучупал 2006: 2; Рожков 2008: 8.

² О моих визитах в Анадырь см.: Омрувье 2013а; 2017.

³ Ср.: Libby 1960: 298–301.

и Николая Борисовича Вахтина за ценные консультации по филолого-этнологическим вопросам; кандидата исторических наук Егора Андреевича Багрина за ценные замечания по вооружению русских казаков; президента Ассоциации коренных малочисленных народов Чукотки (сейчас — члена Совета Федерации) Анну Ивановну Отке, исполнительного директора НКО «Фонд социального развития “Купол”» Людмилу Леонидовну Данилову и Татьяну Ивановну Бардашевич за возможность побывать в Анадыре в сентябре–октябре 2013 г. в рамках проекта «Ымылхо чээкэй» («Все вместе») и в марте 2017 г. для презентации моих новых книг, что дало возможность собрать дополнительный материал на месте; директора ГУК «Музейного центра “Наследие Чукотки”» Ольгу Борисовну Расторгуеву за возможность поработать в хранилищах музея и Екатерину Павловну Отке за помощь в этой работе; заведующую Марковским филиалом анадырского музея Валентину Захаровну Делянскую за предоставление материалов об экспонатах своего музея; кандидатов исторических наук Кирилла Александровича Днепровского, Михаила Моковича Бронштейна и Елену Станиславовну Сухорукову за возможность познакомиться с чукотской археологической коллекцией Государственного музея искусства народов Востока; моих информантов по чукотской традиции: заслуженного артиста России Василия Петровича Кевкея, научного сотрудника Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН Владислава Николаевича Нувано, мастера по пошиву традиционной одежды Зинаиду Федоровну Тагрытвааль, бригадира-оленовода Сергея Петровича Тнаньквата, преподавателя чукотской борьбы тэйкэв Александра Яковлевича Ятгиргина, председателя отделения общества «Чычеткин вэтгав» в селе Мейныпильгыно Елену Викторовну Тевлявье и инженера-механика Валерия Дмитриевича Тымнэраскова.

*Александр Константинович Нефёдкин,
доктор исторических наук*

ВВЕДЕНИЕ

Сначала остановимся на характеристике основных источников по военной культуре чукчей. Их можно разделить на две большие группы: источники материальные и нарративные. К первой группе относятся археологические находки, этнографические коллекции музеев, причем как сами реальные предметы, так и иконографический материал.

Археология крайнего северо-востока Азии еще сравнительно молода и имеет много различных проблем, среди них можно выделить сложности датировки (из-за особенностей залегания археологических слоев) и этнической атрибуции находок. Однако именно археология позволяет проследить в общих чертах генезис различных видов вооружения и фортификации, а также сами материалы, из которых изготовлялось оружие. Среди музейных коллекций, содержащих богатый чукотско-эскимосский материал, следует выделить Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, Музейный центр «Наследие Чукотки» в Анадыре. Эти музейные собрания обладают значительным количеством наступательного и оборонительного вооружения и воинской одеждой, что дает нам реальное представление об облике и снаряжении чукотского воина в XVIII–XIX вв. Отдельно надо выделить иконографический материал, представленный как рисунками и позднее фотографиями путешественников, так и собственно чукотско-эскимосскими изображениями, в основном резьбой по моржовому клыку. Последняя форма искусства информирует нас не только о комплексе вооружения воинов, но и о некоторых тактических особенностях на основании преданий и легенд. К сожалению, европейцы не оставили изображений батальных сцен с участием чукчей, тогда как рисунки боев из самой Чукотки, выполненные в конце XIX–XX в., показывают нам лишь представления о войнах прошлого людей данного времени. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на изображения доспехов и сравнить их с сохранившимися экземплярами¹. Хотя, повторяюсь, определенную информацию об оружии, комплексе вооружения и о тактике мы все же можем тут почерпнуть.

¹ Например, изображения см.: Антропова 1957: Рис. 34–35; Широков 1968: Рис. 7–9.

К письменным источникам относятся записи фольклорного материала, различного рода официальные документы и записки путешественников. Естественно, основным источником для изучения выбранной темы является фольклор. Именно в устном народном творчестве мы можем найти такую информацию, которая или вообще не встречается, или недостаточно освещена в других видах источников, — это свидетельства о стратегии и тактике, о способах ведения боя, об использовании различных видов оружия, боевом этике и т. д. В целом сказок, имеющих военные сюжеты, не так много в сравнении с общим количеством записанного материала¹. Героический эпос, у других народов содержащий наиболее полный набор сведений о военном деле, у чукчей лишь формировался — это цикл сказаний о русском военачальнике-антигерое Якунине, о южночукотском герое Кунлелю, о богатыре Эленди и его сыновьях. Небезынтересны и исторические предания азиатских эскимосов о войнах как между собой («Как уназикские воевали с сивукакскими», «Нунагмитский кит» и т. д.), так и с соседними народами («Виютку-предводитель», «Сражение науканцев с иноплеменниками» и т. д.).

Следует отметить, что в фольклорных материалах народов северо-востока Азии не слишком много фантастических элементов — они отражают действительность или, по крайней мере, понимание ее людьми более позднего времени. Сказка обычно фиксирует свое внимание на главном герое и его окружении, часто наделяя их качествами богатырей, при этом подчас трудно определить, реальные это качества или гиперболизированные². Естественно, на интерпретации сюжета сказывалось и мировоззрение рассказчика, который вольно или невольно мог вносить в него нюансы, сглаживающие неудобные, с его точки зрения, углы. Причем в сказаниях, записанных во второй четверти XX в., особенно чувствуется миропонимание рассказчика, некая «гуманизация» повествования, наделение героя положительными качествами, а врагов — сугубо отрицательными, тогда как в материалах начала XX в. это полярное понимание не так заметно, там и

¹ Например, среди 216 текстов, собранных В. Г. Богоразом, лишь в 20 рассказывалось о войнах (Беликов 1956: 8, 14). В сборнике Е. С. Рубцовой (1954) из 45 эскимосских сказок лишь в одной (№ 16) рассказывается о набегах врагов и о военных действиях, в собрании же сиренинского фольклора Н. Б. Вахтина (2000) лишь четыре сказки из 77 имеют батальные сюжеты. Создается впечатление, что чукотский фольклор более «воинствен», чем эскимосский, а в последнем больше батальных сюжетов в сибирских сказках, чем в аляскинских.

² Беликов 1956: 15; Нефёдкин 2016: 7.

положительный персонаж мог быть убийцей и насильником, то есть обладать негативными, с нашей точки зрения, качествами. В целом, как отметил сибиревед И. С. Вдовин, «исторические предания, героические сказания народов северо-востока Сибири содержат весьма обширный исторический материал, в значительной своей части вполне надежный и точный»¹. Если судить по событиям, обычно псевдоисторическим, то основная масса информации в сказаниях относится к достаточно позднему периоду — к XVIII–XIX вв. Хотя сами события, о которых идет рассказ, могли происходить в иной исторический период, однако реалии сказки должны быть приближены ко времени рассказчика, чтобы его поняли слушатели.

Следующая группа письменных источников — исторические документы — датируется второй половиной XVII–XVIII в. Это «сказки» (устные рапорты) и челобитные казаков, документы ясачного сбора, указы властей, наказы посылаемым в экспедицию, донесения и записки воевод, составленные на основании последних записки-справки и указы Сената и т. д. Сюда же входят и записки чиновников (датируемые главным образом второй половиной XVIII в.), в которых для вышестоящих инстанций кратко излагались быт и нравы местных народов. Особенно много документов хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН и Российском государственном архиве древних актов, в так называемых «Портфелях Миллера», среди них можно также выделить документы местного краеведа капитана Тимофея Ивановича Шмалева (1736–1789), часть этих документов была уже опубликована². Естественно, в данной группе документов информация о военном деле мелькает лишь между прочим, хотя сами исторические события описываются неплохо. Конечно, тут присутствует и субъективизм описаний, особенно в информации о военных действиях. В частности, иногда явно завышена численность противников. Это происходило, с одной стороны, оттого, что врагов всегда кажется больше, чем есть, а с другой — вследствие стремления военных преувеличить значение своей победы или объяснить причину поражения. Так, например, в записках о гибели отряда майора Д. И. Павлуцкого (1747 г.) численность чукчей указывается участниками боя то в 400, то в 500, а то и в 600 воинов³. Разброс в числах, как видим, большой — 150%.

¹ Вдовин 1970: 23; ср.: Меновщиков 1964: 2; Беликов 1965: 168; Нефёдкин 2016: 7.

² Голицын 1899: 35–40; Андреев 1965: 140–141; Нефёдкин 2016а: 105–366.

³ КПЦ. № 65-2: 170; № 65-3: 171; № 66: 173.